

Слово на преславное Преображение Господа нашего Иисуса Христа [1].

Прииди, благочестивое собрание, составим ныне празднество, прииди, восторжествуем ныне с вышними Силами. Приидите послушные зову пророка Давида, воспоем Богу нашему, воспоем Царю нашему, воспоем: *яко Царь всея земли Бог, воспоем разумно* (Пс. 46, 7). Нынешний день на Фаворе очами человеческими было видено невиданное: видено было тело земное, сияющее Божественным светом, — тело смертное, источающее славу Божества. Ныне слухом человеческим слышано было неслыханное: поелику Тот, Кто являет Себя человеком, объявляется от Небесного Отца Сыном Божиим, едиnorodным, возлюбленным, единосущным. Ныне Творец и Господь всего из снисхождения к рабам облекшийся во образ раба и ставший по естеству и по образу человеком, — ныне именно являет в сем образе красоту Свою. Приидите же, поревнуем и мы послушанию апостолов, последуем с готовностью на голос Христов, исповедаем непостыдно Сына Бога живаго, взойдем на гору добродетелей — и мы узрим славу и услышим неизреченные тайны: ибо воистину блаженны очи, которые видят, и уши, которые слышат то, что многие пророки и цари желали видеть и слышать, но не получили желаемого (Мф. 13, 16–17) Итак, приидите и мы, объяснив по возможности слова Божественного Писания, предложим вечерю вам, добрым гостям, приправленную благодатию Того, Кто косноязычным даровал легко и ясно говорящий язык.

В Кесарии Филипповой Христос Господь, созвав первый собор апостолов Своих, вопрошал их, говоря: *кого Мя глаголют человецы быти, Сына Человеческаго*, — вопрошал потому, что светом знания хотел рассеять неведение человеческое, как мрак, лежащий на духовных очах. Ученики отвечали, что одни признают Его за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков. Дабы уничтожить такое мнение о Себе и даровать неведущим истинное исповедание, что делает Тот, в деснице Которого все возможно. Как человек, Он предлагает вопрос, а как Бог, Он тайно умудряет (апостолов), говоря: *вы же кого Мя глаголете быти?* На это Петр, возжигаемый пламенной ревностью и наставляемый Духом Святым, отвечив: *Ты еси Христос Сын Бога живаго*. Итак, кто Сам назвал Себя Сыном Человеческим, Того Петр, или лучше глаголющий в Петре провозгласил Сыном Божиим: и Он подлинно — Бог и человек: Он сын не Петра, не Павла, не Иосифа, не другого такого отца, но Сын человеческий, ибо Тот не имел на земле отца, у Кого не было матери на небесах. *Блажен ты, Симоне вар Иона*, изрек Петру Безгрешный, поелику Сам Отец Мой небесный открыл тебе это богословие (ибо никто не знает Сына кроме Отца, родившего Его, и Им — Сыном только знаемого, и Духа Святого, Который испытует и глубины Божия). Это и есть та твердая и непоколебимая вера, на которой, как на камне, основана церковь, против нее хотя и восстанут и вооружатся врата адавы, уста еретиков, но никогда не преодолеют, не поколеблют ее: *стрелы младенца язвы их и были и будут, изнемогут языки их и против них будут* (Пс. 63, 8).

После сего, желая самым делом подтвердить слова Свои, Христос Господь сказал: *суть нецыи от zde стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Сына человеческого, грядуща во царствии своем* (Мф. 16, 28). Почему же некоторые, а не все призваны к этому пребожественному видению Сына человеческого, грядущего во царствии Своем? Разве не все ученики и апостолы? Все ученики, но не все предатели, — все христоролюбивы, но один сребролюбив? это — Иуда Искариотский, который один и был недостоин видеть Божество, по реченному: *да возьмется нечестивый, да не видит славы Господни* (Ис. 26, 10). Но поелику Иуда, завистливый и злобный, воспламенился бы еще большей яростию, если бы он один из всех был отвержен (а между тем необходимо было,

чтобы все, имеющие быть впоследствии очевидцами страданий, были зрителями славы), то Господь берет только верховных из апостолов свидетелями Своей славы и Своего света (и, именно, числом трех для того, чтобы указать на священное таинство Троицы, и потому, что при двух или трех свидетелях станет всяк глагол). Таким образом, Господь предателю закрывает путь к оправданию своего предательства, а ученикам открывает Свое Божество. Почему же Спаситель взял Петра, Иакова и Иоанна? Он взял Петра, дабы показать, что Петрово свидетельство подтверждается свидетельством Отца, и дабы уверить Петра в том, что Отец небесный открыл ему это свидетельство. Он взял Иакова, как имевшего прежде всех апостолов умереть за Христа, испить чашу Его и креститься за Него крещением, наконец взял Иоанна, как девственника и чистейший орган богословия, дабы, узрев вечную славу Сына Божия, он возгремел сии слова: *в начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово* (Ин. 1, 1).

Итак, взяв с Собою на гору Фавор тех, которые отличались самыми высокими добродетелями, *Господь преобразися пред ними* (Мф. 17, 2). Хотя святое тело (Христово) с самой первой минуты ипостасного соединения совершенно обогатилось славою невидимого Божества, так что одна и та же слава и Слова и плоти, однако же эта слава, быв сокрыта в видимом теле, не могла быть видена теми, которые связаны узами плоти и, конечно, не могут вмещать того, чего не видят и ангелы. Посему, когда Христос преобразается, то Он становится не тем, чем не был, но отверзая очи Своих учеников и из слепых делая их зрячими, является им тем самым, чем был. И вот значение слов: *преобразися пред нами*. Оставаясь Сам по себе тем же, чем был прежде, Господь теперь является ученикам Своим еще чем-то другим, сверх того, чем они видели Его прежде. *И просветися лице Его*, т. е. Того, Кто Своею властью осветил солнце и сотворил свет древнейший солнца, — Того, Кто *есть истинный и невестественный свет, сияние славы, естественный образ ипостаси Бога Отца* (Евр. 1, 3). *Просветися лице Его, яко солнце* не потому, чтобы оно было не светлее солнца, но потому, что столько могли вместить зрители (ибо не тотчас ли они были бы сожжены, если бы Он явил всю славу Свою). *Просветися лице Его, яко солнце*: ибо что солнце между предметами чувственными, то Бог между существами разумными. *Ризы же Его быша белы яко свет*. Как иное дело — солнце (оно есть источник света и не может быть ясно зримо) и иное — разливающийся от него по земле свет (на него премудрость Божия даровала нам возможность взирать): так и лице Господа сияет яснее, как солнце, а одежды Его становятся белыми, как свет, сияя сообщенным им светом Божественным.

Затем, дабы указать Владыку ветхого и нового завета, дабы заградить уста еретиков и утвердить веру в воскресение мертвых, во славе предстают пред Господом, как рабы, Моисей и Илия и являются *с Ним глаголюща* (Мф. 17, 3). Нужно было, чтобы апостолы узрели славу и дерзновение служителей Божиих, хотя и подобных им рабов, как для того, чтобы они удивились человеколюбивому снисхождению Господа, так особенно для того, чтобы сами возгорели ревностию и укрепились на подвиги (потому что, кто узнал плоды трудов, тот легко решается на подвиги). Моисей тогда говорил приблизительно так: слыши, духовный Израилью, чего не мог слышать Израиль чувственный: Господь Бог твой Господь един есть, хотя и в трех лицах познаваемый, одно существо Божества — и свидетельствующего Отца, и свидетельствуемого Сына, и осеняющего Духа. Вот Тот, Кому Отец ныне дает свидетельство: *вот живот человеков, который неразумныя люди увидят висящим на древе и не поверят животу своему* (Втор. 28, 66). Тут в свою очередь Илия сказал: *вот Тот, Котораго я узрел некогда бестелесным во глазе хлада тонка* (3 Цар. 19, 12), т. е. в Духе, потому что Бога, каков Он — по естеству *никто же виде нигдеже* (Ин. 1, 18), и если кто видел, то видел это в Духе. Вот — *измена Десницы Вышняго* (Пс. 76, 11), вот то, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не*

взыдоша (1 Кор. 2, 9). Тако в будущем веке *всегда с Господем будем*, зря Христа блистающим светом Божества (1 Сол. 4, 17).

Бывший зритель сего Божественного Откровения и объятый Духом Петр сказал Господу: *добро нам zde быти* (Мф. 17, 4). Прекрасно и блистательно видимое солнце, драгоценна и сладостна настоящая жизнь: во сколько же раз вожеленнее и приятнее тот самосуший свет, которым все освещается! во сколько раз драгоценнее и сладостнее та самосушая жизнь, которою все мы живем и движемся и существуем (Деян. 17, 28)! Как же не добро не разлучаться с добром! Впрочем, поелику добро должно было распространиться на всех, т. е. верующих, а это долженствовало совершиться чрез крестную смерть: то не добро было оставаться на Фаворе Тому, кто и воплотился для того, чтобы Своею кровию искупить Свое создание... Между тем *облак светел осени* апостолов, и они были объаты еще большим страхом, зря Иисуса Спасителя с Моисеем и Илиею сущих в облаке (Мф. 17, 5). Облако осенило не темное, а светлое: поелику на Фаворе открывается таинство, от века и от родов сокрытое, и является слава непрестающая, вечная. *И глас бысть из облака, глаголя: сей есть Сын Мой возлюбленный*, т. е. сей, смиренно обращающийся между вами, человек, лице которого ныне просияло, сей есть Сын Мой, довременно и вечно происшедший от Меня родившего, из Меня и во Мне и со Мною всегда сый, а не после получивший бытие. О нем же благоволих, потому что по благоволению Отца воплотился Единородный Сын Его, благоволение Отца в Единородном Сыне соделало спасение всему миру, благоволение Отца во единородном Сыне соединило всяческая. Того послушайте: ибо приемляющий Его, приемлет Меня, Который послал Его, и не чтущий единородного и возлюбленного Сына Моего не чтит Меня, Отца, пославшего Его послушайте: ибо Он имеет глаголы живота вечного.

Отослав Моисея и Илию каждого в свое место, Христос Иисус один предстает очам апостолов, и таким образом они сходят с горы, не говоря никому ничего из виденного и слышанного, ибо так заповедал Господь. Для чего же, для какой цели? Так как апостолы были еще несовершенно, еще не имели полного причастия Святого Духа, то Господь сделал это для того, чтобы не исполнить печалию сердец их, и чтобы злоба зависти не привела предателя в ярость.

Здесь, вместе с окончанием предмета для слова, и мы окончим речь свою. Вы же навсегда сохраните в памяти своей сказанное. Пусть всегда для вас звучит Отеческий глас: *сей есть не раб, не посланник, не ангел, но Сын Мой возлюбленный*, Того послушайте. Итак, *внемлем Его заповедям: возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем своим* (Мф. 12, 30). Не убий и даже не гневайся на брата твоего всуе. Примирись с братом твоим прежде, и тогда пришед принеси дар твой. Не прелюбы сотвориши, и даже не занимайся с излишним любопытством чужою красотою. Не отнимай у другого его собственности, но еще дай просящему у тебя и не убегай хотящаго занять у тебя (Мф. 5, 21–22, 24, 27–28, 33, 34, 37, 42). Любите враги ваша, благословите клянущая вы, добро творите ненавидящим вас, и молитесь за творящих вам напасть и изгонящих вы, не судите, да не судими будете. Оставляйте, и будет оставлено вам, да будете сынове Отца вашего совершенны и милосерды, яко солнце свое сияет на злые и благие и дождит на праведные и неправедные (Мф. 5, 44, 45, 48). Станем хранить всяким хранением эти Божественные заповеди, дабы и мы могли насладиться Божественною красотою Господа Бога. — Ныне елико возможно для отягченных землею скиниею тела, а после — яснее и чище, когда праведники воссияют, как солнце, и, освободившись от нужд телесных, подобно ангелам, будут с Господом бессмертны, в великое и славное откровение с небес Самого Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

[\[1\]](#) Прибавл. к Церк. Вед. 1897 г. № 31. Проповеди св. Иоанна Дамаскина, равно как и выше помещенные св. Андрея Критского (стр. 222) и св. Григория Нисского (стр. 208), не указаны в Выписке из журнала Учебн. Комитета, которым мы руководились при выборе образцов, но по стилю и способу изложения догматических истин и св. писания обе составляют прекрасное восполнение к рекомендованным образцам.